

У. Е. Мусабекова

РЕЧЕВАЯ МОДА И ЯЗЫКОВАЯ НОРМА В СИСТЕМЕ ОТОНИМИЧЕСКИХ НАИМЕНОВАНИЙ

В онтологических определениях языка и речи традиционно отражается главный вопрос о роли общества в языковом процессе. Не подлежит сомнению, что человек может и должен вмешиваться в развитие языка с целью оптимизации речевых средств выражения мысли. «Он (язык) есть социальный элемент речевой деятельности вообще, внешний по отношению к индивиду, который сам по себе не может ни создавать язык, ни его изменять» [1, с. 39]. В статье «Язык и речь», полемизируя по этому поводу с О. Есперсеном, Ш. Балли писал: «Когда Соссюр утверждает, что индивидуум не может изменить язык и распоряжается только в речи, само собой разумеется, что имеются в виду условия, в которых действие закона проявляется абсолютным образом, например, когда индивидуум по своей инициативе намеревается изменить нечто существенное в системе... Однако никогда Соссюр не заявлял, что язык полностью не зависит от индивида» [2, с.112].

Далее Ш. Балли указывал, что язык усваивается индивидом активно: «Человек никогда не относится к языку совершенно пассивно... Чем больше прогрессирует и облагораживается цивилизация, тем больше подвергается язык обработке и обдуманному изменению...» [2, с.112]. Еще И.А. Бодуэн де Куртенэ убежденно говорил: «Разве можно заботиться о чистоте какого бы то ни было языка, не допуская вмешательства свободной воли человека в его чисто естественное развитие?» [3, с. 40].

Проблема управления развитием языка неразрывно связана с повышением грамотности и общей культуры. Система языка недоступна лингвистически неграмотному индивиду и не осознается им как система, а овладеть ею, – писал Ф. де Соссюр, – можно лишь путем размышления [1, с. 83]. Система языка становится осмысленной с ростом грамотности и образования. «Сознательное построение речи, – писал Г.О. Винокур, – и есть то, что заслуживает быть названным *культурой речи*». «Путь к культуре речи ведет через подлинное научное, а не абстрактно-прагматическое знание» [4, с. 88, 89].

С ростом языковой культуры массой говорящих яснее осознается норма и отклонения

от нее, люди становятся чуткими к любым языковым изменениям и воспринимают их оценочно, разумно. Для успешного проведения языковой политики и разработки вопросов культуры речи важно определить понятие языковой нормы. В учении Ф. де Соссюра, не выделявшего норму в качестве самостоятельного лингвистического понятия, содержались, однако, известные предпосылки для рассмотрения языка как традиционной, или нормативной системы. Таким образом, можно утверждать, что в социальной обусловленности и традиционности языкового знака коренится и его обязательность, в свою очередь предопределяющая существование нормативного плана языка.

Нормативные способы выражения, – писал Ш. Балли, – «не существуют в языке в чистом виде, но тем не менее являются безусловной реальностью». Определяя норму с социологической точки зрения, Балли пришел к выводу, что она в принципе не отличается от других видов социальных норм поведения.

Для установления критерия нормативности, по мнению Балли, следует обращаться к устной речи: «Учитывая, что язык создан, прежде всего, для устного употребления, было бы ошибкой не принимать последнее за норму» [2, с. 114]. Эту установку можно считать правильной в том смысле, что живой речевой опыт следует закономерным и активным тенденциям, которые не всегда могут быть своевременно улавлены в практике нормализации (нормативные грамматики, словари, справочники и т.п.). Однако, склонность Балли недооценивать письменную языковую традицию уже была подвергнута критике в лингвистической литературе [5, с. 404].

Идея «нормы» была намечена А. Сеше, ставившего перед лингвистикой речи задачу изучения узуса. Сеше указывал на отрыв грамматических трудов нормативного характера от реальности живого языка [6, с. 71]. Случаи отставания нормализаторской деятельности отмечались и позже.

Отправной точкой в понимании нормы можно считать труды ученых Пражского лингвистического кружка, где впервые актуализируется мысль о двуаспектной природе языковой нормы. С одной стороны, нормой

принято называть общепринятое употребление, регулярно повторяющееся в речи говорящих (воспроизводимое говорящими), а с другой – конкретные «предписания, правила, указания к употреблению, зафиксированные учебником, словарем, справочником» [7, с. 7]

Понятие языковой нормы было свойственно языкознанию на всех этапах его развития. Оно связывалось с разными концепциями и получало различное терминологическое обозначение. В XVII-XVIII вв., например, это были идеи нормативных грамматик и словарей. В языкознании XIX в. проблема нормы обсуждалась как соотношение общечеловеческого (логического), национального и индивидуального (психологического); младограмматики выдвинули понятие узуса, противопоставив его искусственности литературно-письменной нормы и индивидуальности речевого акта. Особенно актуальна стала проблема нормы в лингвистике XX в., когда она стала разрабатываться, с одной стороны, в связи с проблемой реализации языковой системы, а с другой – в связи с изучением литературных языков и культуры речи.

Понятие языковой нормы, несмотря на значительные колебания в его определении, а также недостаточную разработанность отдельных аспектов этого понятия, является важным и необходимым для характеристики языка в связи с его функционированием.

Речевая мода распространяется на самые различные области общественной жизни. «В ее орбиту может попадать как явление, так и носитель. И если до определенного времени язык не воспринял что-то как модное, то нельзя ручаться, что это что-то в дальнейшем не будет актуализировано в речевом пространстве и в какой-то момент не станет модным языковым стандартом» [8, с. 52].

Многообразные изменения в сфере модных языковых стандартов не выходят за рамки основных образцов, которые являются достаточно стабильными. Еще в XIX в. И.И. Срезневский ставил важный вопрос: «... подчиняются ли правилам склонения русского те слова иностранные, которые вошли в русский язык, или же они остаются неизменяемыми?». И сам же отвечал на этот вопрос: «Вообще говоря, подчиняются, а затем есть исключения, определяемые модой...» [9, с. 102].

Не все слова-заимствования поддаются ассимиляции в языке-получателе. Вовлекаясь в систему русского словоизменения, они образуют внутри этой системы свою подсистему.

Эти слова не подчинялись правилам и аналогиям, а образовали свои собственные правила и аналогии, потому что чужеродность морфологического облика большинства несклоняемых слов на гласный обнаруживается при сопоставлении корреляций флексий склоняемых существительных.

Причины несклоняемости, очевидно, заключаются в ограничениях морфологической системы русского литературного языка. Значительные колебания в системе нормативного склонения испытывают заимствованные существительные-топонимы. К примеру, значительные затруднения вызывает словоизменение новых наименований административных центров современного Казахстана (*Ақтау, Ақтобе, Ақсу, Алматы, Атырау, Балькышы, Жосалы, Каратау, Кентау, Кокшетау, Мангыстау, Темиртау, Уштобе, Хромтау, Шиши, Шу и т.д.*). Склонение топонимов представляет собой один из неустойчивых фрагментов грамматической системы. Как известно, топонимы составляют достаточно крупный пласт наименований. Поскольку пословной кодификации топонимов в наиболее известных нормативных словарях не проводится, на практике приходится постоянно сталкиваться с вопросами, касающимися грамматических характеристик топонимов. В частности, одним из наиболее спорных является вопрос о склоняемости или несклоняемости топонимов в сочетаниях с географическими терминами (типа в местечке Хансунг — в местечке Хансунге, из города Чан-лин-сянь — из города Чан-лин-сяня).

Несмотря на морфологическое своеобразие топонимики, ее современные грамматические свойства находятся в прямой зависимости от состояния нормы в общезыковой системе.

На основе выявленных объективных характеристик даются четкие рекомендации в трудных случаях современного употребления. Так, учитывая современную норму употребления сочетаний с термином республика, в деловых документах целесообразнее употреблять топоним в несклоняемой форме (положение республики Хакасия, поездка в республику Карелия; на территории республики Грузия и т.п.). Однако в разговорной речи допустимы и склоняемые варианты: дружба с республикой Грузией, братские отношения с республикой Хакасией и т.д.

В русском языке слово Алматы становится несклоняемым существительным и по правилам русского языка лишается форм словоизменения, что, конечно, очень неудобно для употребления

в устной и письменной речи. Этим и объясняется тот факт, что по-прежнему слово Алматы продолжают склонять (в *Алмате*, в *Алмату*, под (между, над) *Алматой*).

Возникают определенные трудности в согласовании. Так журналисты справедливо задаются вопросом: «Как же сегодня правильно сказать: *первый Алматы* или *первая Алматы*? Листаешь прессу и диву даешься – кто во что горазд: один журналист пишет «*красивый Алматы*», другой – «*красивая Алматы*». Или читаешь на информационном сайте: «*Алматы первая* подхватила почин...».

С точки зрения точности обозначения несклоняемые формы остаются более удобными, поэтому в профессиональной речи географов и военных названия во всех падежах сохраняют неизменяемую форму.

Таким образом, необходимо отметить, что происходящие процессы в трансформирующемся обществе приводят к демократизации норм, которая обуславливает увеличение вариантов русского литературного языка, которые между собой конкурируют.

В настоящее время отмечается ряд противоречий, касающихся правописания отонимической лексики в справочниках русского языка. Так в новом своде впервые формулируется в общем виде правило написания существительных, образованных от существительных, пишущихся через дефис. Все они должны сохранять дефис производящего слова, например, существительные, образованные от собственных имен, преимущественно от географических наименований: *алма-атинцы*, *ньюйоркцы* (от *Алма-Ата*, *Нью-Йорк*). Написание через дефис названий жителей, образованных от дефисно пишущихся географических названий, согласуется, во-первых, с предложенным здесь же дефисным написанием существительных, образованных от дефисно пишущихся нарицательных слов, и, во-вторых, с дефисным написанием прилагательных от тех же географических названий: *нью-йоркский*, *орехово-зюевский* и т. п.

В правилах 1956 г. написание обеих групп существительных, образованных от дефисно пишущихся существительных, вовсе не регламентировано; однако в дальнейшем в справочниках для работников печати, в словаре-справочнике «Слитно или раздельно?», в «Словаре названий жителей СССР» рекомендовалось названия жителей от дефисно пишущихся географических названий писать слитно. Еще один дискуссионный момент,

насколько правомерно употребление российскими газетами прежнего названия «Алма-Ата», а не «Алматы»?

Таким образом, явление вариативности отонимических наименований, широко функционирующих в учебниках, учебных пособиях, в историко-географических справочниках, периодической печати, а также в средствах массовой информации, требует регламентации употребления и активных нормализаторских усилий казахстанских лингвистов.

Признание скрытой парадигмы несклоняемых имен, вероятно, обусловлено их потенциальной возможностью словоизменения, что входило бы в противоречие с нормами русского литературного языка. Поэтому ни одна грамматика не выделяла и не выделяет особой морфологической подсистемы иноязычных слов, подразумевая, что и для исконно-русских, и для заимствованных лексических единиц существует один и тот же механизм словоизменения. Несклоняемые имена воспринимаются большинством носителей языка как содержащие корневые морфемы, не свойственные русскому языку, поэтому они не включены ни в одну из существующих в нем парадигм.

Я. Грот пытался объяснить это явление с точки зрения языкового чутья, предопределяющего языковую моду: «Затруднительно, напротив, употребление имен, которые по окончаниям своим (имеются в виду конечные звуки корневых морфем) не прививаются к языку, почему он или оставляет их без склонения, или дает им соответствующие прямой форме падежные окончания...» [10, с. 353].

Однако нормированность/ненормированность несклоняемых слов зависит от известности их толкования и речевой популярности. Оказываясь за пределами литературной нормы, они могут изменяться через мену флексий. Таким образом, прослеживается становление нормы для правописания отонимических наименований с точки зрения норм современного русского языка, а выявленные грамматические и ортологические предпочтения определяют методические перспективы их изучения.

1. Соссюр Ф. Де Курс общей лингвистики. Перев. М., 1933.

2. Женевская лингвистическая школа: от Соссюра к функционализму. – М.: Едиториал УРСС, 2010.

3. Бодуэн де Куртенэ, Август Шлейхер // Избранные труды по общему языкознанию, Т. I, 1963.

4. Винокур Г.О. Проблема культуры речи // Русский язык в советской школе, 1929, № 6.

5. Будагов Р.А. Вступительная статья и примечание к книге: Ш. Балли. Французская стилистика. М.: УРСС, 2001 а.
6. Сеше А. Три сосюрровские лингвистики// Звезгинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков..., М., 1965г.
7. Ицкович В.А. Очерки синтаксической нормы. М., 1982.

8. Приорова И.В. Несклоняемые имена в языке и речи: учеб. пособие/И.В. Приорова. – М.: Флинта: Наука, 2008.
9. Срезневский И.И. Русское слово: Избранные труды: Учеб. пособие для педагогических институтов / Сост. Н.А. Кондрашов. М.: Просвещение, 1986.
10. Грот Я.К. Филологические разыскания. Изд. 2-е. СПб., 1876.

В. В. Панахова

КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ ПРОИЗВОДНЫХ СЛОВ

Как известно, понятие “деривация”, понимаемое, как один из способов словообразования, распространяется также и на такую область, как семантика, в частности, используется для характеристики процесса появления новых значений многозначного слова (семантическая деривация). В настоящей работе мы обращаемся как к понятию словообразовательной деривации, так и к понятию семантической деривации, что обусловлено спецификой поставленной нами задачи: суть заключается в том, что нас прежде всего интересует полисемия производных единиц или, комплексных знаков (КЗ) [3], имеющих в исходном значении расчлененную словообразовательно-семантическую структуру. Являющиеся объектом нашего внимания КЗ (в данном случае – префиксальные) рассматриваются нами в двойном аспекте: с одной стороны, они являются результатом словообразовательной деривации, с другой – сами оказываются исходным этапом для семантической деривации. Такой подход к КЗ требует учета его словообразовательных характеристик при анализе многозначного слова. Нередко в ходе исследований словообразовательной системы производные слова исключаются из исследования, как утратившие (даже частично) словообразовательную мотивацию. Однако, как показало исследование, между словообразовательной структурой (организацией словообразовательных компонентов по модели) производного и его лексическим значением существует тесная связь, что особенно наглядно можно проследить на примере многозначных КЗ. Идиоматичность их семантики не является основанием для исключения таких слов из

исследования на уровне словообразовательной структуры, т. к. в семантической структуре переносных значений производных слов всегда сохраняется “хотя бы след...прямого словообразовательно-мотивированного значения” [1].

Семантика производных слов имеет свои особенности в сравнении с простыми лексическими единицами благодаря более сложной морфологической структуре, состоящей из корневой морфемы и одной или нескольких аффиксальных морфем. Поэтому главной отличительной чертой производного слова является его мотивированный характер, обусловленность его значения исходной единицей. Этой особенностью производного обусловлена и другая - его соотнесенность не только с окружающей реальностью (как у непроизводных единиц), но и с мотивирующими их словами. Еще одним отличием непроизводных и производных лексических единиц является наличие у последних словообразовательного значения, выражающего тип отношения между значениями мотивирующих и мотивированных основ. Все эти черты, определяющие своеобразие производной единицы, позволяют человеку формировать производные лексические единицы в соответствии с его прагматическим намерением и создавать единицы, обладающие экспрессивным содержанием и удовлетворяющие замыслу говорящего. Поэтому можно говорить о двух видах прагматики, которыми обладает слово (мотивированное и немотивированное): внешней и внутренней. Под внешней прагматикой понимаются те функциональные свойства ситуативного значения слова, которые оно приобретает в синтагматике.